

18+

Вероника
Винтер

С ПОСЛЕДНИМ ЛЕПЕСТКОМ САКУРЫ

«Когда сердце и долг расходятся, душа
рвётся надвое.»

Вероника Винтер

**С последним лепестком
сакуры. «Когда сердце и долг
расходятся, душа рвётся надвое»**

«Издательские решения»

Винтер В.

С последним лепестком сакуры. «Когда сердце и долг расходятся, душа рвётся надвое» / В. Винтер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-683121-6

Япония, XVI век. В тених Киото зреют заговоры, а в квартале Гион цветёт опасная красота. Самурай Катсутароу Акено сталкивается с убийством и встречает Докуми — легендарный «цветок Гиона». Страсть, интриги и опасность ставят на кон его жизнь, честь и судьбу страны. Выбор между долгом и сердцем станет роковым...

ISBN 978-5-00-683121-6

© Винтер В.
© Издательские решения

Содержание

С ПОСЛЕДНИМ ЛЕПЕСТКОМ САКУРЫ	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**С последним лепестком сакуры
«Когда сердце и долг
расходятся, душа рвётся надвое»**

Вероника Винтер

© Вероника Винтер, 2025

ISBN 978-5-0068-3121-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С ПОСЛЕДНИМ ЛЕПЕСТКОМ САКУРЫ

19.02.25—07.05.2025

Hikari Swan

*Которая помогла разобраться
в тонкостях японской культуры*

Пролог

Япония.

1570

Гора Курама.

Предместье имперской столицы Киото.

Ему показалось, что он умирает. Боль скрутила так, что его вопль у ворот храма заставил нервно вспорхнуть стаю черных птиц. Группа монахов с удивленными лицами невольно попятилась. Конь захрапел, с трудом удерживаемый под уздцы. Животное сразу почувствовало перемены в своем седоке.

Самый старый монах нахмурился и неодобрительно покачал головой. Как можно позволять эмоциям настолько завладеть собой?! Это же никуда не годится! Громкие звуки в этом священном месте и вовсе недопустимы.

В руках юноша держал какой-то клочок бумаги. Полные ужаса глаза пытались вчитаться в расплывающиеся и прыгающие строчки письма, подрагивающего в пальцах. Он не мог поверить в то, что там написано. Смысл этих простых слов ускользал от его сознания. Тем более что написано это было настолько дорогим ему человеком:

«Ты простишь меня... Этот закат станет для меня последним... Я ничего не могу изменить... Уходить несомненно трудно... Но я надеюсь ты будешь всегда меня помнить...».

После того, как он отдал свое сердце! После всего, что у них было! И что еще могло бы быть. Горечь жгла глаза непролитыми слезами. За что?

Он смял письмо и сунул его за пазуху, вскочил на коня и саданул его пятками по бокам. Тот, недовольно фыркнув, сорвался в галоп. В голове набатом звучали последние слова, и клятвенные обещания! Он вспомнил нежную кожу под пальцами, жадные прикосновения губ. Нутро скрутило нестерпимой болью. Через какой-то час этого всего не станет.

Серьезно? Вот как ты со мной прощаешься? Ты просто не хочешь жить и бороться? От осознания этого стало невыносимо горько.

Он поморщился, вспомнив последние строки письма:

«Из-за меня ты пережил предательство... Твой свет всегда согревал мою душу, но обратная дорога была невозможной...»

Ему хотелось выть! Заорать, разразиться проклятиями. Ах, если бы это хоть немного помогло! Если бы хоть чуточку стало легче! Но, увы, кусание локтей и вырывание волос от своей непроходимой беспечности, не приблизит его к тому критическому моменту, после которого весь мир померкнет. В горле наливался болью ком непролитых слез. В ушах будто стучала каждая секунда, отсчитывая крупницы времени до надвигающейся неизбежности, когда будущее зависит от этих упущенных, утекающих сквозь пальцы мгновений.

Он чувствовал, что ветер, рассекаемый ими с конем, вот-вот сдует его к демонам с этих гор – настолько стихия была сильной и неистовой. Лес остался позади, и сейчас под копытами коня змеилась каменистая горная дорога, опоясывающая ущелье. Они мчались по ней на пределе скорости. Лошадь каким-то чудом пока что разбирала куда ступать.

Вскинув голову, он наблюдал, как поднимающееся над лесом солнце стремиться осветить весь горный хребет вдаль. У него так ничтожно мало времени, чтобы провернуть еще одну спасательную авантюру. Ведь совсем скоро человек, которого он так отчаянно боялся потерять, уйдет навсегда...

Конь уже второй раз споткнулся, но они не могут останавливаться. Остаётся только надеяться, что бешеная скачка не отправит еще и животное в иной, лучший мир.

Лишний раз он напомнил себе, что ничего еще не потеряно, усилием воли заткнул рвущиеся наружу рыдания. Еще есть время. Он приложит все силы. Он не сдастся.

Редкие деревья хлестали по щекам, причиняя хоть какую-то боль, способную напомнить ему, что он все еще жив. Пока жив... Пока его сердце бьется...

Пока на сакуре дрожит на ветру последний лепесток...

Глава 1

Киото.

Ранее.

Катсутароу Акено возвращался в город. Разговор с другом детства как всегда принес успокоение и уверенность.

Лук и колчан со стрелами болтались за плечом, а полы кимоно, ровно как и штанины хакамы, развевал легкий ветер. Надо было скорее добраться до усадьбы и потренироваться на мишени. До соревнований оставались считанные дни. И нельзя было упускать драгоценного времени тренировок.

Пройдя поле и попав под тенистую сень леса, юноша услышал странные звуки. На опушке разговаривали двое. И беседа эта была далека от дружеской. Акено осторожно подошел поближе и осторожно отодвинул ветку скрывавшего его дерева. Грозного вида мужчина лет сорока, в воинских одеждах, с трудом сдерживал гнев и кричал на того, кто годился ему в отцы, но одет был сильно проще.

– Поздно, глупец, ты сделал свой выбор! – проскрипел первый, невысокий и коренастый мужчина. Он выхватил у своего собеседника, небольшой мешок и, когда тот протянул к нему руки, грубо оттолкнул его ногой. – Будем считать: это твоя плата!

– Нет, пожалуйста! Я заплачу вам на днях. Не отбирайте у меня эти вещи! – Взмолился одетый в длинный балахон пожилой мужчина.

– А чем они тебе так дороги? Может, они обладают какой-то особой ценностью? – злобно ухмыльнулся первый, поднимая мешок и высыпая его содержимое прямо в траву. Под ноги посыпалось несколько книг, керамическая чаша, и еще несколько неизвестных предметов поменьше.

– Эти вещи ценны скорее для меня. – Начал оправдываться тот, что был постарше. Он не поднимался, возможно, стараясь разжалобить обидчика. – Прошу вас, я заплачу на днях.

– Ты только обещаешь, – презрительно сплюнул тот, что щеголял дорогими одеждами, отбрасывая пустой мешок. – Тут нет ничего ценного! Я говорил тебе, что если не принесешь обещанную сумму, я сломаю тебе ногу? Говорил. Придется наказать тебя, чтобы другим неповадно было.

– Но я не смогу работать в поле!

– Это уже не мои заботы! Ты мне задолжал. И я долго проявлял недюжее терпение, давая тебе отсрочку!

Акено, почти полностью скрытый стволом дерева, пытался вникнуть в суть проблемы.

– Прошу вас! Еще пару дней!

– Не смей меня умолять! – Зарычал заимодавец, заноса руку для удара.

Но тут тренькнула тетива, и тонкий пронзительный звук вспорол тишину леса. Стремительное движение в воздухе, и стрела влетела в ствол дерева прямо над ухом нападавшего. Тот отшатнулся и с его лица слетела сначала краска, а потом и спесь.

– Отстань от него! – Холодным тоном велел юноша, выходя из своего укрытия.

– Не лез бы ты в наши дела, – медленно и предостерегающе проговорил зачинщик. – Иди своей дорогой, самурай, и позабудь о том, что видел. А мы здесь сами разберемся.

– Я слышал и видел достаточно. И вижу, что без моей помощи вы никак не разберитесь. – Он кивнул ободряюще сидящему на траве пожилому мужчине.

– Но он должен мне большую сумму! – упорствовал заимодавец.

– Сколько? – холодно осведомился лучник, прикидывая в уме, хватит ли ему, чтобы отделаться от этого неприятного во всех отношениях поборника займов.

– Десять мон! – Выпятив подбородок, с вызовом заявил он.

– Держи и убирайся, – скривился юноша, доставая из кармана шнурок с нанизанными на него монетами. – Здесь двадцать. И чтобы больше я не слышал, что ты кому-то обещаешь что-то сломать! Пошел прочь!

С этими словами Акено бросил связку монет раздражающему его заимодавцу.

– Не стоит беспокойства, – поймав плату и расплывшись в гладенькой алчной улыбке, зачинщик скрылся за деревьями.

Юноша перевел взгляд на сидевшего на траве мужчину. Тот во все глаза смотрел на невольного случайного спасителя.

– Спасибо! – пролепетал он, пораженный внезапным спасением. Он, почти не моргая, смотрел на юношу, случайно пришедшему ему на помощь. – Она меня услышала! Она прислала мне вас!

Благодарственный шепот показался лучнику совсем уж странным и бессвязным. Но, может, крестьянин от страха и рассудка лишился? Лучник ни слова не понял, но присел на корточки и протянул мужчине его темный мешок, машинально складывая туда две выпавшие книги и керамическую чашу. Его пальцы коснулись чего-то небольшого и белого. Словно две перекладки разной длины из какого-то белого гладкого и матового материала пересекались под прямым углом. Он задумчиво повертел находку в пальцах, но спасенный мягко забрал предмет и улыбнулся.

– Что это? – Нахмурился юноша. Лучник никогда еще не видел таких предметов. Может эту вещицу привезли с запада? В портовый Нагасаки всегда попадает что-то странное, принадлежащее далеким землям.

– Это – крест, важный для христианства символ веры. Но всему свое время, юный воин, – тихие слова прозвучали каким-то обещанием. – Придет час, и вы спасете еще не одну душу... С последним лепестком сакуры...

Юноша нахмурился, но пожал плечами и, убедившись, что пожилой мужчина может идти, распрощался с ним и вернулся в усадьбу.

Глаза сузились, а цепкий взгляд, казалось, был готов впиться в обозначенный центр круга.

Свист прорезал послеобеденную тишину. Он тренировался на заднем дворе, задумчиво изучая мишень, повешенную на ограду. Все обитатели усадьбы разбрелись по своим делам. Стрела вонзилась в центр мишени и застряла там, нервно подрагивая оперением.

За ней отправилась вторая, и третья. И так пока круглая и плоская деревяха на ножке не стала представлять из себя некое подобие морского ежа, готового к обороне.

Он злился. Глупо было надеяться, что тренировка отвлечет его от насущных проблем. В столице кажется зрел заговор. Снова. В какое же непоправимое и непростое время он родился. Повсюду предатели, подлизы, ничтожества. А самое паршивое, что совсем непонятно, кому можно доверять, а кому нет.

Надо бы еще на мечях потренироваться. Да вот только, кто бы составил компанию? Не эти же недоумки.

Восхищенные перешептывания за спиной только раздражали. Какие же они недалекие эти сельские ребята. Отлынивают от работы, и вместо того, чтобы нести караул, как положено, отвлекают его от тренировки.

– Нэ! Ты погляди, какой он меткий!

– И чего? Я еще вчера видел, как он с коня стрелял. Там даже Морихиро – сама был поражен. А ведь наш дайме – один из лучших в стрельбе из лука!

– Да ты что! Вот нам повезло-то, раз такой умелый лучник в нашем отряде!

– Но-но. Он, говорят, и в этом году в стрельбищах участвовать собирается. Опять придет с трофеями.

– Понятное дело! А где он так метко стрелять-то научился?

– Да кто его знает. Может в императорской армии?

– Тогда что он тут делает?

– Не знаю. Смотри, что у него с головой. Волосы-то явно длиннее были.

– Да... Наверное, случилось что-то. Хорошо, что хоть теперь они отросли. Не такие, как могли бы быть, но хотя бы.

«Вот простофили, как можно обсуждать подобные домыслы так открыто?!» – смерив недобрый взглядом двух простоватого вида стражников, явно ребят из далекой и сельской провинции, он стал вынимать стрелы из мишени.

– Акено-сан!

– Уважаемый Акено-сан!

Они же восприняли его краткосрочное внимание как одобрительный знак и все-таки решились подойти к своему кумиру. И даже его суровый взгляд и абсолютно отпугивающее выражение на красивом и мужественном лице их совсем не остановили.

– Ну? – Раздраженно кивнул лучник.

– Акено сан! – Решился один из них. – Вы такой выдающийся стрелок...

– Спасибо. Вы очень добры. И? – нетерпеливо перебил его молодой мужчина, даже не удосужившись взглянуть на собеседников. Он стоял, выдирая из протестующего дерева стрелы. Несчастливая мишень жалобно скрипела и рыдала осыпающейся стружкой.

Апрельское солнце стояло в зените, освещая голубое прозрачное небо. В воздухе витал аромат весенних трав. Легкий ветерок нежно касался кожи. Было возмутительно спокойно. Так непривычно тихо для всей этой катавасии с кланами. Акено усвоил одно: спасти жизнь своего дайме и потом может быть и свою нужно быть готовым в любую минуту. Особенно в нынешние времена.

А один из сельских паренков все еще мялся.

– А где вы научились так метко стрелять?

– Нигде, – почти все стрелы довольно быстро переключались в колчан. Акено не терпелось отделаться от этих ребят.

– Можно? Какие они у вас красивые. С цветком сакуры, – неподдельно восхитился один из воинов, передав только что выдернутую стрелу. Он с каким-то непосредственным умилением глядел на кованный наконечник с гравировкой. И действительно цветок сакуры был изображен на нем довольно искусно. Стрелок неопределенно пожал плечами, начиная еще больше раздражаться. Он недавно заказал себе у кузнеца наконечники с выгравированным цветком сакуры. У хорошего стрелка и оружие должно быть красивым. Как и смерть, которую оно дарит.

– А вы, наверное, будете участвовать в соревновании лучников в храме тысячеликого Будды Сандзюсангендо?

– Буду, – отрезал Акено. – Хорошего дня, до скорого.

– Хорошего дня! Удачи на соревнованиях! – Подобострастно закивали восторженные парни, провожая своего кумира взглядом.

Но стоило лучнику ступить на территорию главного двора усадьбы, как его появление тут же заметили.

Акено тихо скрипнул зубами, рассматривая простоватого паренка с нижнего двора, приближающегося размашистой походкой.

– Акено сан! – Поклонился тот. – Вас срочно зовет к себе Морихиро-сама!

Дайме.

Придется отложить все планы. Если ты понадобился главному князю усадьбы – идти нужно быстро. Кивнул, показывая, что сообщение принято и, сняв соломенные сандалии у террасы, отправился по прохладным деревянным настилам в сторону покоев самого могущественного человека этих земель.

Покои Дайме Морихиро-сама находились в самом сердце большой и длинной деревянной конструкции с переходами, верандами, домиками, белыми стенами и деревянными крышами. Поэтому пришлось пройти не мало тенистых коридоров и открытых переходов, прежде чем добраться до большой приемной, застеленной татами. В комнате никого не было. Акено осторожно сел на пятки, уперся в колени животом и вытянул перед собой руки. Когда его лицо уткнулось в мягкие тростниковые волокна настила, послышался звук отъезжающей двери.

До ушей донеслась медленная поступь неторопливых уверенных шагов и шорох дорогого шелка. Дайме занял свое место, в нескольких метрах от пришедшего, и после этого разрешил ему подняться.

Акено почтительно поклонился и поприветствовал уже далеко не молодого хозяина усадьбы. Весь облик Морихиро-сама внушал уважение. На испещренном морщинами лице особенно выделялись темные, серьезные глаза. Они видели все в этой жизни: войны, предательство, заговоры. В них притаилась вековая мудрость и вечная скорбь. Ярко-желтое домашнее кимоно было вышито золотой и черной нитями. Во всей его позе чувствовалась стать и спокойствие.

– Ты молод и силен, твои храбрость и хитрость не знают границ, Акено Катсутароу. А враги не дремлют. Они спят и видят, как бы сокрушить мою власть. Я рассчитываю на твою преданность.

– Чем я могу быть полезен вам, Морихиро-сама? – взгляд Акено приобрел предельную сосредоточенность. Он был рад быть полезным своему сюзеру и именно в этом молодой воин видел свой путь. Служить верой и правдой и однажды погибнуть на поле брани под знаменами великого дайме Морихиро. Служение этому господину было особой и небывалой честью.

– Сегодня вечером тебе предстоит как можно скорее передать одно письмо моему знакомому. Ты найдешь его в большой усадьбе рядом с храмом великого Будды. Такано-сан будет ждать его. Это послание тайное, и никто не должен о нем знать. Передай его точно в руки. – Наставлял хозяин усадьбы, затем выудил из своих одежд небольшой конверт из плотной белой бумаги.

Лучник протянул руки и с поклоном принял его. Скользя по имени на конверте взглядом, он убрал бумагу во внутренний карман и поклонился.

– Будет исполнено...

Однако, юный стрелок и подумать не мог, беря на себя эти обычные обязательства, на сколько в этот раз они окажутся невыполнимыми.

Катсутароу с трудом дождался вечера. Весь день он упорно тренировался на заднем дворе, иногда замечая заинтересованные взгляды девушек-помощниц.

День пролетел как одно мгновение, а солнце вскоре коснулось причудливо изогнутых городских крыш. Он тяжело дышал в конце тренировки, вытирая заботливо оставленной кем-то тканью рельефные мышцы на животе. Оттачивание мастерства заняло почти все время. Орудование длинным мечом – катаной – было не самым простым делом. Но он любил это время. Нередко Акено тренировался с охраной поместья. Для них тот был кем-то вроде кумира: невероятно быстрый и талантливый воин, виртуозно стреляющий из лука. Акено с видом обре-

ченного преподавателя показывал охранникам тонкости приема ближнего боя, о которых те никогда и не слышали.

Сам же лучник выучил их в имперской армии, куда дайме послал его на целый год, да не в тылы, а на поля сражений.

Облачившись в широкие коричневые штаны хакаму и прямой синий жакет хаори, он провел рукой по своим уже слегка отросшим волосам и собрал их в хвост.

Окинув взглядом свою комнату, лучник шагнул в сумерки.

Тьма опускалась на город, разливаясь по его улицам манящим дурманом. Сакура уже зацвела, и ее сладостный аромат наполнял грудь жаждой приключений. Ночь дышала сыростью и легкими сизыми сумерками. Мрачные силуэты домов перемежающихся с заборами и сосновыми деревьями угрюмо смотрели в спину одинокому путнику. Город готовился ко сну, подмигивая редкими каменными фонарями, их еще называют торо.

Лицо Акено расплылось в почти кошачьей довольной улыбке: нет ничего лучше прогулки перед сном по уже засыпающим улицам. Пусто и тихо и никого вокруг. Одиночество пленило, обещая приятный вечер.

Такано-сан жил в двух кварталах, но каково было удивление и негодование Акено, когда слуги, вышедшие к воротам, сказали, что вся семья вышеозначенного господина спит, а сам он отсутствует дома по важным и личным причинам. Где он, они якобы не могут сказать, но сообщение готовы передать. Однако на это уже не мог пойти сам Катсутароу. Двое юных слуг очень хотели спровадить неизвестного самурая, но юноша был на редкость упрям и заявил, что важную информацию может передать исключительно в руки адресата. Те заметно расстроились и предложили подождать хозяина неподалеку. Стрелок сжал губы в тонкую линию. Он ясно видел, как они не хотели выдавать месторасположения своего господина и мечтали избавиться поскорее от неизвестного посланца. Однако, Марихиро-сама велел передать письмо как можно скорее. Выбора не было.

Акено стоял у крыльца, ждал и прямо кожей чувствовал, как утекают драгоценные мгновения. Может, пойти поискать Такано-сана по городу? Ах, если бы знать, как он выглядит. Стрелок никогда не видел этого уважаемого господина. По словам дайме: тот недавно переехал в Киото. И письмо ему доставлялось первый раз.

Катсутароу стоял и напряженно думал, что ему стоит предпринять, когда внезапно услышал, как из дома вышли те самые слуги, видимо чтобы зажечь вечерний фонарь. Их обеспокоенное перешептывание у каменного светильника заставило лучника прислушаться.

Юноша и девушка, только что спровадившие его, тихонько обсуждали, что будут делать, когда хозяин вернется от самого прекрасного цветка Гиона.

Акено возликовал. Он получил нужную ему информацию, позволяющую как можно быстрее выполнить поручение своего господина. Все состоятельные люди ходят в увеселительный квартал. Как же он сразу не догадался?! Там-то и нужно было искать в первую очередь! Вот болван, столько времени потерял, негодовал на себя лучник.

Катсутароу пересек несколько одиноких улиц и подошел к большим деревянным воротам тори. Они вели в старинный синтоистский храм, что располагался на вершине небольшого холма. Лучник посмотрел задумчиво на полный диск луны, будто пойманный в рамки старинными воротами. Чуть дальше светились огни увеселительного квартала, где жизнь пробуждалась с наступлением темноты. Акено энергичным шагом отправился туда.

Улица, уходящая вниз к большой площади, выглядела словно река, отороченная небольшими берегами-строениями. Маленькие входы в так называемые чайные домики закрывали

алые отрезки ткани с белеющими надписями. Интригующий красный свет бумажных фонарей на входе в каждое помещение прорезал стремительно сгущающийся туман. Одиночные вишневые деревья с уже распустившимися бутонами трогательно трепетали лепестками на свежем весеннем ветерке.

У первого дома стоял уже не молодой охранник, зыряка недовольно исподлюбья на прибывающих путников. Странно, и откуда они все появились? Стрелок помнил, что к воротам он подходил один. А, пройдя буквально пару шагов внутри квартала, он вынужден внимательно смотреть, куда идет: теперь то тут то там темнели в ночи фигуры, и тусклый свет красных фонарей очерчивал их силуэты. Их было много. Акено поморщился. Очарование тихого и безлюдного вечера треснуло льдом и словно осыпалось в дорожную пыль, которую сразу же затоптали многочисленные ноги.

Где найти Такано-сана, привратник увы не знал, зато подробно описал как пройти к самому прекрасному цветку квартала Гион. И лучник отправился в обозначенном направлении. Маленькие чайные домики являли собой пристанища женщин, разбирающихся в искусстве и способных скрасить унылый вечер своим занятым разговором. Это были удивительные красавицы, искусно облаченные в кимоно, умеющие играть на музыкальных инструментах и бесподобно танцующие, а главной их способностью было умение «есть воздух», или, образно говоря, заполнять паузы в разговоре и этим развлекать мужчин.

Катсутароу никогда ранее не бывал тут и не видел этих прелестниц, зато многое о них слышал. И подобное расточительство ему претило. Лучник предпочитал десятой дорогой обходить это место, которое казалось ему насквозь лживым. Ведь любая красавица запросто уверит тебя в твоей исключительности за внушительную сумму. Он был наслышан, что эти девушки знали себе цену и работали исключительно с состоятельными клиентами, коим Катсутароу увы пока не был.

Брови Акено поползли вверх, когда перед ним возникло здание, будоражащее воображение. Самый прекрасный цветок этого квартала находился в доме, которым заканчивалась улица. Это было огромное двухэтажное строение, не имеющее ничего общего с соседними скромными и низенькими постройками. Удивительное воплощение мощи в дереве с резьбой и росписью могло вполне потягаться и с одной из императорских резиденций.

Юноша презрительно скривился и, вздохнув от безысходности, неспешно поднялся по деревянным скрипучим ступеням. Он разулся у входа, немало удивившись десяткам пар обуви: от простых соломенных сандалей-дзори до дорогих туфель, принадлежащих кому-то из высшего сословия.

Интересно, как во всем этом большом здании ему найти одну-единственную женщину?! Еще и самую прекраснейшую. Смешно. Их там наверное десятки, этих прекраснейших. Да и цветок-то ему этот не очень нужен, вот Такано-сана бы отыскать. Тревожила еще одна мысль: неудобно как-то беспокоить отдыхающий господ.

Но как только он переступил порог, до его слуха донеслись приглушенные звуки струнного инструмента. Юный стрелок пошел в их направлении, стараясь ступать носками таби как можно тише.

Странно. Судя по количеству пар у входа, в каждой комнате, на каждом этаже должно быть как минимум по два человека. И это не говоря уже о многочисленных девушках. Но первый этаж был пуст. Только со второго доносились приглушенные звуки степенной музыки, интригующей своей простотой и ненавязчивостью. Кроме нот сямисена, чьи немногочислен-

ные струны издавали сдержанную вибрацию, Катсутароу казалось, что он слышит сдержанное дыхание трех десятков человек.

Так и было. Когда стрелок поравнялся с приоткрытой дверью на втором этаже, он замер на вдохе. Брови изумленно поползли вверх, ноги сами подошли вплотную к дверному проему, а глаза буквально впились в то, что прятала таинственная комната. Теперь лучник видел все ее пространство.

Внутри действительно было около тридцати мужчин, сидящих почти друг на друге, настолько плотно они располагались. Кто постарше, а кто едва прошедший юношеский порог. Их, казалось, совсем не беспокоила идея находиться в столь душном помещении, освещенном одним только красным фонарем. Где-то в углу девушка в кимоно щипала струны традиционного инструмента, но на нее никто не смотрел. Лучник никогда не видел столько восторженно-похотливых взглядов в одном месте. Все эти мужчины, не скрывая своего желания, пожирали глазами центр комнаты, и хрупкую изящную фигуру девушки, стоящую на небольшой шахматной доске для шогги. Катсутароу с удивлением отметил прекрасную маленькую и узенькую почти детскую ступню в белом носочке. Акено провел взглядом выше, туда, где за удивительно изящной узкой щиколоткой светлела нежная персиковая кожа. В пустом коридоре резко исчез весь воздух. Лучнику показалось, что кто-то сдавил ему грудь: воздух с трудом проникал. Розовое кимоно с лепестками сакуры мерцало шелковыми нитями в тшедушном свете. Она умудрялась изящно двигаться и танцевать, не сходя с крошечной доски. Нарочито медленные и плавные движения. Сердце юноши забилось часто и рвано. Не отдавая себе отчета, он прильнул еще сильнее к дверному проему. И в этот момент по воздуху свистнули лопасти открытого веера. Следом узкое запястье показалось из рукава, а за ним взгляд, что столкнулся с глазами Катсудароу и будто ударил его под дых, поставил на колени и выжег на нем клеймо.

Весь мир юного стрелка горел, все его внимание, будто сжалось до этой хрупкой фигурки, мучительно медленно танцующей на доске. Девушка повернулась, и ее замысловатая причёска хищно блеснула на него бусинами шпилек, черный шелк волос, поднятых вверх, открывал то место, где шея переходила в спину, оттенок и вид этой части женского тела заставил его задохнуться. Рот резко наполнился вязкой слюной, а внизу живота болезненно заныло.

Персиковая кожа, по которой внезапно почему-то захотелось провести пальцами, все еще манила, когда он заметил их, голодных хищников, заполнивших комнату. Они, не задумываясь, съели бы эту девушку без остатка. Но что-то их сдерживало. Будто из последних сил. Они не смели даже дышать в ее присутствии. И от осознания этого Катсутароу захотелось искромсать их всех. Он машинально коснулся пальцами своих двух мечей у пояса: холодные ножны «дайсе» придали ему стойкости и будто бы отрезвили. Что это за наваждение?

Лучник снова посмотрел на девушку, и опять ему захотелось к ней прикоснуться, обнять, дотронуться... Он снова мысленно себя обругал.

Недужим усилием воли, Катсутароу заставил себя отвести взгляд от свежей, как весеннее утро, прелестницы и неспешно пошел к выходу. Все его существо какой-то неведомой силой тянуло лучника обратно, но он сопротивлялся на грани своей воли. Придется подождать Такано-сана на выходе. Посреди выступления все равно нет шансов его отвлечь. Пусть даже и важным письмом.

А он – вероятно один из присутствующих в комнате мужчин.

Акено присел на деревянный пол у выхода, спустив ноги на землю, по соседству с многочисленными сандалиями и туфлями. Он устало наклонил голову, досадуя сам на себя, на свое

положение, на то, что у него нет денег просто так приходить сюда и смотреть за танцем таких девушек, как самый прекрасный цветок Гиона. Она напугала его... Вернее, не она... Он был в смятении от своей реакции. Даже в военных походах, где ему доводилось участвовать, он всегда лез в гущу событий. Но заставить себя подняться и снова отправиться к двери, за которой она танцевала, он не мог. Ноги будто налились свинцом. В груди загрохотало с новой силой только от одной этой мысли.

Не удивительно, что этот самый прекрасный цветок Киото собрал вокруг себя всех более-менее влиятельных людей. Вон их там сколько. Поздний вечер неспешно перерастал в ночь, небо становилось все темнее. На его фоне мечтательно блестели звезды, темнели сосны и сияли в алом свете фонарей лепестки на близлежащих деревьях сакуры. Растревоженные легким ветерком, они медленно осыпались к ногам Катсутароу. А юноша все еще боролся с желанием вернуться и досмотреть танец до конца. Пускай и с другой стороны, пускай и, довольствуясь лишь небольшим обзором, оставленным дверью. Дыхание перехватило. Нет, с этим испытанием он должен справиться. Но сомнения накинудись на него со всех сторон.

Акено уже почти убедил себя в том, что не будет ничего дурного, если он вернется к двери и насладиться прекрасным танцем дитя искусства вместе с остальными, но тут его внимание и слух привлек резкий звук хрустящего под ногами щебня. Юноша вскинул голову и увидел их. Группа из двадцати девушек неспешно, а главное почти незаметно подходила к порогу, где сидел стрелок.

Катсутароу, вскинув брови, оглядел их высокие туфли на черных лаковых платформах. Яркие похожие на палатки кимоно, накрашенные лица, вычурные прически. В девушках, выглядящих похожими одна на другую не было ничего свежего и привлекательного. Они смотрели на него абсолютно пустыми глазами, неспешно подходя к крыльцу. Большие банты кимоно красовались прямо на животе, а не сзади как у всех приличных девушек. Перед ним была группа ойран – так называемых служительниц порока, и юноша знал, куда и зачем они идут.

Он даже порадовался. Вот она, еда для тех голодных волков наверху. Они не посмеют прикоснуться к цветку. Да им никто и не позволит. Ценность красоты в ее недоступности. Как иначе?!

Встав и сдержанно поклонившись, стрелок пропустил девушек внутрь, мысленно ругнувшись. Теперь ожидание неизвестного Такано-сана затягивалось еще на более неопределенный срок.

Он обреченно сел на крыльце.

Что они здесь делают? Это не просто вечер в Гион. Такое было совершенно невыносимо. Кто-то очень влиятельный заказал и оплатил это увеселение. Кто-то очень могущественный. Звать стайку ойран просто так в подобное место? Сразу после выступления знаменитого цветка Гиона? Юноша потряс головой, пытаясь понять, как такое вообще возможно. Видимо, один из тех мужчин внутри очень и очень богатый.

Через какое-то время до его слуха донеслись мелодичные стоны. Катсутароу поморщился. Как ему хотелось уйти отсюда. Быть невольным свидетелем чьего-то удовольствия несканально претило юноше. Но что ему было делать? Письмо нужно было передать в руки. И чем скорее, тем лучше. Можно было бы подкараулить респондента у его дома, он же вернется туда когда-нибудь, но долгое ожидание рядом с усадьбой могло обернуться бессонной

ночью. Акено ведь понятия не имел, на какие приключения после увеселительного квартала отважится Такано.

Голоса девушек почти сливались в хор, мучая воображение невольного слушателя.

Да когда это уже прекратится?!

Юноша резко вскочил с порога, намереваясь отойти в сторонку и подождать, когда посетители станут расходиться, но тут услышал пронзительный визг, заглушивший протяжные ритмичные голоса. Все сразу смолкло.

Акено моргнул, пытаясь понять, действительно ли он это слышал, но тут крик повторился. Это не было воплем желания – скорее ужаса. Животного, всепоглощающего ужаса.

Тоненький и полный отчаяния голос пустил по его коже импульс. Он молниеносно запрыгнул в дом и понесся туда, откуда, как ему казалось, и исходил крик о помощи. Акено оказался в том самом коридоре на втором этаже, когда двери соседних комнат начали озадаченно отодвигаться, и в них появлялись одурманенные алкоголем и атмосферой посетители.

Жалобные всхлипы обозначили его дорогу. И он едва не выругался, когда понял, за какой из дверей так отчаянно просят помощи.

Это была та самая дверь.

Одним прыжком Катсудароу оказался рядом и отодвинул закрывающую панель.

На полу сидела девушка. Ее плечи в розовом кимоно подрагивали, ладони скрывали лицо. Сердце Катсудароу пропустило удар. В такт рыданиям подрагивала и открытая шея. Юноша снова на нее так некстати засмотрелся. Зажмурившись несколько раз, чтобы прояснить сознание, он перевел взгляд на распластанное на полу тело. Мужчина, уже не молодой, облаченный в темно-бурые одежды лежал на животе, раскинув конечности. Вокруг в лужице крепкого и прозрачного алкоголя блестели черепки разбитой посуды.

Лучник аккуратно обошел лежащего и наклонился к его голове. Лицо несчастного было повернуто на бок. Остекленелый взгляд, будто бы удивленный случившимся, уже смотрел в вечность, вокруг рта темнел налет. Он не дышал.

Яд.

Его попросту отравили.

Но кому это понадобилось, да еще и в увеселительном квартале?

– Ничего не трогайте! – Потребовал Катсудароу, обращаясь к самому прекрасному существу Гиона, когда его несдержанность выдала испуг, и девушка вздрогнула. – Что произошло?

Она отняла ладони от лица, и оно было все таким же прекрасным, а макияж даже ничуть не размазался. Юноша посмотрел в ее полные слез глаза и уловил легкий, ни чем не сравнимый аромат свежей скошенной травы. Он был таким легким и манящим, что на мгновение стрелок забыл о том, что здесь делает, и как сюда попал. Все великие синтоистские боги, да что с ним такое? Запах этой девушки дурманил, кружил голову. Лучник с трудом соображал.

– Господин сидел со мной и рассказывал о своей семье, – всхлипнув, прошелестела она тихим и очень милым голосом, похожим на звон колокольчиков. – Он налил принесенный слугой напиток, выпил его, а потом упал. Господин, он же жив? С ним же все будет хорошо?

Сердце юноши болезненно сжалось, так ему тяжело было видеть это лицо, опечаленное случившимся. Девушка легко коснулась его руки, ища защиты, поддержки, доброго слова.

Акено молчал.

– Я... Я не знаю. – тихо признался он, опустив голову.

В этот момент в проеме появилась другая девушка. В ней Катсутароу с трудом узнал ту, что играла на струнном инструменте. Ее глаза расширились, она с трудом подавила крик.

– Айна-сан, этот юноша первым пришел мне на помощь! – Обратилась к ней девушка в розовом кимоно.

– Докуми-тян, ты не пострадала? – Беспокойство Аины было сравнимо с беспокойством матери.

– Нет, – помотала головой та, кого называли самым красивым цветком Гиона, и у юноши зашлось сердце. Она плакала так горько, будто бы погибший был ее ближайшим родственником.

– Я – нет, а вот Такано-Сан... – Она перевела взгляд на лежащего рядом мужчину и снова разразилась рыданиями.

Акено похолодел.

Он нашел того, кому следовало передать письмо. Но было уже поздно...

Глава 2

Брови Морихиро-самы грозно сошлись на переносице. Дайме был недоволен. Очень зол. Он не повышал голоса, но в это раннее утро Акено просто кожей чувствовал исходящие от господина волны гнева.

Письмо Такано вернулось к тому, кто его отправил. Респондент загадочно скончался от яда в увеселительном доме. Хуже всего было то, что таинственный враг дайме решил устранить новоприбывшего союзника и видимо преуспел.

Ситуация складывалась скверная. Таинственный недоброжелатель, казалось, сломал планы Морихиро-сама своим успешным покушением. И самое отвратительное то, что Катсутароу не смог этого предотвратить, не схватил злодея и даже не знал, кто повинен в убийстве.

После того, как он осторожно собрал осколки с жидкостью и завернул их в платок, Акено как можно аккуратнее расспросил двух девушек, Айну и Докуми, как такое произошло. Айна была видимо постарше. Девушка, игравшая ранее на сямисене, серьезно и четко отвечала на вопросы. Из чего стрелок узнал, что этот праздник заказал и оплатил один очень влиятельный господин, имя которого девушки не знали. Заказ был настолько странным, что включал и жриц порока, тайно посетивших дом после. Докуми заканчивала разговор с Такано-саном. Когда все вышли, он внезапно задержался на несколько минут, чтобы заверить прекрасную танцовщицу в своем восхищении и поведал, что его дочка мечтает взглянуть на танец знаменитого цветка Гиона. Внезапный стук заставил их замолчать. Звякнула посуда. Слуга, принесший алкоголь, так и не показавшись, оставив поднос за дверью. Там его и нашла девушка.

Ничего не подозревающая Докуми предложила напиток посетителю, но тот, налив себе и сделав глоток, захрипел, схватился за шею и упал. Рассказ девушки было больно слушать. Ее трясло от страха. Слова перемежались с частыми всхлипами, она заламывала руки. Аккуратный и милый нос раскраснелся и даже макияж его не спасал.

Докуми... Мысленно произнёс Катсутароу, не отрывая взгляда от красивых темных глубоких глаз. Стоило посмотреть на необычайно красивое даже по меркам увеселительного квартала лицо, как у него снова сбивалось дыхание.

Акено мысленно ударил себя по лицу, призывая собраться и дослушать показания девушки.

– Такано-сан часто приходил, – всхлипывала Докуми. – Он был очень добрым и заботливым. Приносил подарки. Кто мог это сделать? – Отчаяние и страх заставили ее плечи снова сотрясаться в рыданиях.

– Да и он ли был целью? – Задумчиво произнёс Акено. – Вы слишком хороши, чтобы у вас не было врагов или завистников. Не исключаю того, что Такано-сан случайно попал под яд, направленный на вас.

Она в ужасе посмотрела на него полными слез глазами. От этой мысли стало невыносимо. Кто-то хотел погубить этот прекрасный цветок. Все внутри Акено забурлило. Захотелось забрать ее из этого опасного, кишящего недоброжелателями места и... а что дальше? Что он мог предложить самой красивой девушке во всем Киото? Он, самурай на службе Морихиро-сана. Не такой уж и богатый. Цветок Гиона зарабатывает явно больше него. Но ему отчаянно не хотелось, чтобы на нее смотрели другие мужчины. Воспоминания о том, как горели глаза тех зрителей, кто смотрел на ее танец, заставили лучника снова невольно сжать кулаки. Похотливые взгляды мужчин, завистливые – женщин. Как уберечь эту трогательную и наивную красавицу от всего этого мира? Он должен выследить того, кто, вероятно, желает ей смерти.

– Знаете ли вы, кто вторая и третья по красоте и популярности девушки в этом квартале? – Задал новый вопрос Акено.

– Да, – серьезно кивнула Айна. – Сакурасо и Цубаки являются соответственно номером два и три в квартале. Примула и Камелия Гиона. Их домики расположены справа и слева от деревянного дворца, где мы с вами находимся.

Катсутароу задумался: он действительно видел справа и слева чайные домики, что немного отличались от других. Надо заглянуть к этим девушкам. Вдруг они что-нибудь знают.

Распрошавшись с Айной и Докуми, Акено зашел в два других указанных дома.

Сакурасо в темно синем кимоно как раз разливала чай. Акено сообщил, что в соседнем доме произошло убийство: отравили одного из посетителей по соседству.

Лицо красавицы подернулось гневом от услышанного. Из рук выпал ковшик по счастью уже пустой. Видно было, как негодование искажает черты ее прекрасного лица, однако ответила лучнику не она.

– Что вы хотите этим сказать?! – Пошла в атаку компаньонка девушки. – Или вы пришли сюда, чтобы обвинять мою госпожу в причастности?

– О, Нет, что вы! И в мыслях не было! – Почтительно поклонился Катсутароу. – Я просто хотел донести до вас эту новость, чтобы предостеречь. Не более того! Посетители деревянного дворца разбежались, поняв, что произошло. И я подумал, вы будете переживать, не зная, что вызвало такой переполох.

– Простите, господин. Я была не права, – поклонилась девушка, сразу сменив гнев на милость.

– Как такое случилось? – Полным негодования голосом воскликнула Примула квартала. – Хотите ли вы сказать, что нам тоже надо опасаться за свою жизнь?

После долгого и детального объяснения, а также заверения, что охрана примет меры, Акено отправился к третьей красавице.

Светло-желтое кимоно Цубаки мягко окутывало ее стройный стан. Девушка танцевала под мелодию играющей рядом компаньонки. Лучник даже засмотрелся. Но не было в движениях этой девушки той удивительной грации и плавности, что демонстрировала Докуми. А во взгляде не было никакой тайны. Совершенно пустые глаза взирали на мир с безразличием. Лицо оставалось абсолютно спокойным.

Катсутароу откашлялся и с поклоном вошел в комнату.

– Что? Как это ужасно! – Холодно сказала компаньонка девушки. Она сразу отложила сямисен, услышав о произошедшем убийстве. Та, что именовалась Камелией села рядом с ними. – Как такое возможно? В Гионе никогда не было ничего подобного!

– Я пока и сам не понимаю, что случилось. – Отвел взгляд лучник, – но лучше лишний раз проверять еду и питье.

– Конечно! – Всплеснула руками помощница Камелии. Та в свою очередь так и сидела, застыв статуей, будто бы происходящее вокруг не имело к ней никакого отношения.

Странная она, заключил Акено, возвращаясь в усадьбу дайме с плохими новостями. Кому могло понадобиться убивать кого-то в чайном доме? Чувство, что яд предназначался для Докуми, росло с каждым шагом. Лучшие из лучших всегда вызывали зависть и желание избавиться от них.

Морихиро-сама был встревожен. Его лицо выдавало беспокойство, а между бровей залегла морщинка. Он велел Акено вечером зайти к нему, чтобы передать еще одно письмо.

Лучник посмотрел через дверной проем на восходящее за холмом солнце. Оно медленно поднималось, заставляя лучи нового дня сверкать алым и озарять все вокруг. Пурпурные пятна медленно напоздали на небесную синь, изгоняя мрак ночи.

Он низко поклонился своему господину и попросил отпустить его на весь день. У Катсутароу была одна задумка. Он догадывался, кто бы мог ему помочь.

И через некоторое время лучник уже вышел из города и направился по небольшому полю на север. Роса на высокой траве задевала низ широких штанов хакамы и уже немилостиво разделалась со ступнями. Они были мокрыми насквозь и холодными. Но такие мелочи его не беспокоили: стрелок упорно шел вперед. Простой деревянный посох, отмерял его шаги, а соломенная шляпа держалась завязками на шее.

Рассвет постепенно превращался в приятное апрельское утро. Катсутароу слышал, как поют птицы, восхваляя новый день, как стрекочут в траве насекомые, сплетая в один хор все звуки, как ветер колышет травы в поле, шелестя травой. Он двигался к своей цели, упрямо шагая туда, где на вершине горы расположились храмы и святилища. Монахи жили в этом месте с испокон веков. И Акено очень надеялся разыскать там старого друга, моля всех известных ему богов подряд, чтобы тот не ушел в поход в какуюнибудь далекую провинцию.

И вот перед ним суровые старые каменные ворота и убегающая в заоблачную даль лестница – воистину воспитатели духа. Акено усмехнулся и поднял ногу на первую каменную ступень.

Еще можно было подняться на вершину на лошади, но собственного коня у Акено не водилось. К тому же эта горная тропа верхом совсем не вызвала доверия.

До вершины было еще далеко. Вскоре лестница утонула в вековых кедрах. Деревья сомкнулись над головой, образуя непроницаемый купол, звуки смолкли, а уши заполнила давящая тишина. Воздух стал ощутимо холоднее. Некое подобие пара вырывалось изо рта при выдохе. Он поежился. Мокрые от росы одежды охладили кожу.

Катсутароу вскинул взгляд наверх, туда, где уже просматривался робкий луч солнечного света.

Еще немного, успокаивал он себя. Дыхательная техника, которую показал его старый друг в последний раз, ощутимо помогала. Сосредотачиваясь на вдохах и выдохах, он меньше чувствовал усталость и холод мокрой ткани, прилипшей к коже. Акено даже показалось, что это восхождение лучше, чем многие до него. Надо будет поблагодарить Котаро. Воистину великолепное упражнение на концентрацию.

Кроны кедров сплелись в совсем, казалось, сплошную массу, будто бы забрав весь свет из пространства. Этот участок пути стрелок не любил, мрачный туман и темные стволы деревьев казались ему жуткими. Кое-где встречались каменные фонари торо, и они создавали поистине мистическое впечатление в и без того туманному лесу.

Свист крыльев отвлек внимание. Акено развернулся, выхватил лук и прицелился. Что это за птица? Сокол? Да и птица ли? Издавна гора Курама считалась обителью крылатых воинов тенгу, полу-воронов полулюдей. Они были совсем не прочь напасть на любое живое существо, судя по преданиям. Лучник, правда, никогда их не видел, сколько раз был в гостях у друга детства. Однако Котаро каждый раз его предостерегал довольно серьезно. Снова в пробившихся через кроны лучах блеснули черные крылья. Это должно быть они. Катсутароу остановился, привалился спиной к дереву и натянул тетиву. Его глаза быстро метались от ствола к стволу, сиюсь разглядеть того, кто прячется.

«Ну же, давай!» – мысленно упрашивал юноша, надеясь и в то же время опасаясь, что вот сейчас непременно увидит легендарный дух горы Курама.

Но на его молчаливый призыв ответа так и не последовало. Внезапно все стихло, и Катсутароу слышал только свое сбивчивое дыхание. Поморщившись, он опустил лук и зашагал дальше. Сердце юноши еще не сразу успокоилось.

В бою на мечах он не чувствовал в себе страха. Наоборот, бросался на противника, стараясь уничтожить волнение, зарождающееся где-то в глубине, и надеясь проявить себя. В стрельбе из лука ему не было равных, и он это знал. Уже несколько лет он побеждал на ежегодных соревнованиях в храме тысячеликого Будды.

Он без труда мог справиться с видимым противником, но легендарные вороны... Если атакующий делал это из тени, незаметно, это сбивало с толку и очень злило Акено.

Все также, не спуская глаз с близлежащих ветвей и изо всех сил прислушиваясь, юноша продолжал подъем.

В конце пути его ждали большие ворота тори из темного дерева. Он вступил в священную твердыню и направился к храмовому комплексу.

Здесь в главном здании он и нашел своего друга. Котаро сидел с закрытыми глазами, наклонив голову к соединенным в молитве ладоням. Безмятежное обычно лицо было чем-то озабочено и выглядело нахмуренным. На его гладко выбритой голове белела повязка. Кремового цвета кимоно и шаровары а также желтая накидка дополняли образ. Он сидел босиком, поджав под себя ноги.

Акено остановился у входа. Придется ждать, когда этот парень закончит молитву. Они были друзьями с детства, но выбрали совершенно разные дороги. Бесшумно присев на ступеньки, лучник любовался голубым безоблачным небом, парящими над вершинами кедров соколами и ненавязчивым шелестом ветра.

От каждого храма горы Курама веяло вековым спокойствием. Жизнь здесь протекала неторопливо, размеренно, будто выпав из суеты имперской столицы.

Он любил приходить сюда. Это место приносило душе покой, веками намоленный в этих стенах.

Из Котаро получился замечательный собеседник. Будучи немного младше Акено, монах был значительно прозорливее и начитаннее. Сведения об окружающем мире, почерпнутые в книгах, явно давали ему фору. Каждый раз Катсутароу спускался с горы невероятно обогащенный общением и удивительными сведениями.

Монахи и сами нередко спускались в мир: пополнить запасы провизии, помочь кому-нибудь из крестьян. Жизнь за пределами горы их не манила, но они о ней знали. И знали, надо сказать не мало.

Поэтому Акено в тайне надеялся, что друг-монах сможет поделиться какими-нибудь размышлениями о том, кому могла понадобиться смерть Докуми или Такано-сана. А может и их обоих?

Лучник перевел взгляд на горные хребты, покрытые лесным массивом. То тут то там мелькали розовые воздушные облака сакуры, пышно цветущей в этот период. Он огляделся. Большое розовое дерево также украшало и главный двор монастыря. Его зеленые листья еще не появились. Сакура была в самом цвету. Акено вгляделся в прекрасное видение. Ветер шевелил ветви, слегка отягощенные цветами поистине неземной красоты, и подхватывал нежные лепестки, кружа их в небольшом вихре. На мгновение ему показалось, будто дерево танцует.

Перед мысленным взором юноши возникла темная комната и доска для шогги. Розовое пламя, балансирующее на узкой поверхности. Томный пробирающийся до мурашек взгляд и отточенные, четкие, но в тоже время маняще своей неожиданной плавностью движения. Имя Докуми отдавалось сладостью на языке. Воспоминания о ее тонких девичьих запястьях, о ее изящных щиколотках не давали покоя, вызывая в нем неистовую бурю эмоций. Прекраснейший цветок Гиона. Он не смел даже мечтать о ней. Слишком она недостижимая и прекрасная в своей хрупкой и трогательной красоте.

Но ей угрожала опасность. Вероятно, целью неизвестного отравителя была именно она. Акено хотелось ее защитить, забрать из этого ужасного квартала, где каждый мог смотреть на нее, мог проходиться глазами по ее лицу, шее, рукам... Тупая злость нарастала внутри. Катсутаро одернул себя. Странно, раньше в этом месте он чувствовал только покой и умиротворение. Что изменилось?

– Приветствую тебя, друг мой, – хитро прищурился появившийся рядом буддийский монах. – Рад, что ты посетил этот тихий приют. Что привело тебя?

– Котаро! – Акено как будто проснулся, выдернутый из своих грез. Он резко вскочил. Друг подошел к нему с улыбкой, приветствуя. Лучник оглянулся по сторонам и увидел повсюду гуляющих монахов.

– Что ж, – кивнул подошедший, быстро смекнув, что разговор их не предназначен для чужих ушей. Он посмотрел в сторону заднего двора. – Думаю, там нас не побеспокоят.

Полуденное солнце, зависшее высоко в небе начинало припекать. Друзья уселись на деревянную лавочку в тени крон деревьев, подальше от любопытных глаз. Акено достал из кармана лакированную коробочку от пудры. В глазах Котаро читалось изумление пополам с интересом, но как только лучник ее открыл, осторожно демонстрируя содержимое, монах нахмурился. На дне среди прекрасных красных лакированных панелей лежало несколько осколков небольшого сосуда для алкоголя с каплями прозрачной жидкости.

– Предположительно, это снадобье унесло жизнь того, кому мой хозяин велел передать письмо. Такано-сана отравили прошлой ночью в квартале Гион. – Катсутаро серьезно взглянул на друга. – Но мне кажется, что основной целью был не он, а девушка, которая его принимала. Она считается красивейшим... – почему-то в горле резко запершило, – гхм, да, красивейшим цветком Гиона.

Лучник заметно смутился, на что монах вопросительно поднял бровь. А потом его тонкие губы растянулись в понимающей улыбке.

– Стало быть, тебя очаровал этот прекрасный цветок? – Лукаво спросил обитатель горы Курама, не сводя с друга пронзительного взгляда. У его глаз образовались лучики морщинок, что добавило ему обаяния.

– Она многих очаровала, – нахмурился Акено, очередной раз с грустью подумав, что ему ничего не светит.

– Слышал я о ней, слышал. – Задумчиво покивал Котаро, глядя куда-то вдаль. – Слухами в столице все лавки полнятся. Женщины завидуют, мужчины желают. Старо как мир. Не удивительно, что с такой красотой ее никто раньше не попытался устранить. Она ведь два года как дебютировала.

– Да что ты такое говоришь?! – Вскочил Катсутаро, задев нижние ветви деревьев из-за своего высокого роста.

– Просто размышляю, – пожал плечами монах и тихо добавил: – Садись. Разговор предстоит долгий. То, что твоему хозяину соратника незаметно отравили, – вот это настораживает.

Монах достал из-за пазухи кожаный сверток длиной с ладонь. В нем Акено разглядел четыре зеленые трубки тонкого бамбука, используемые наподобие сосудов. Котаро невозмутимо откупорил один бамбук, приглядеться, принялся, кивнул своим мыслям. Затем он, наклонив трубку над пудреницей с осколками, осторожно ударил по ней длинными изящными пальцами, перепачканными пятнами от чернил. Несколько крупниц, выглядящих как части чайного листа, угодили в прозрачную жидкость на белых черепках. Смесь зашипела и окрасилась в темно синий.

Акено смотрел во все глаза, потом перевел озадаченный взгляд на друга.

– Примерно это я и подозревал. – Устало произнёс тот. – Не знаю, обрадует это тебя или нет, но тут вмешались высшие силы. Кому-то ваш Такано-сан перешел дорогу, раз за ним отправили шиноби. И, честно признаться, дело-дрянь.

– Что? – Катсутароу почувствовал, что лицо неприятно перекошило. – Ты думаешь это дело рук шиноби? Профессиональных убийц?

Смысл никак не укладывался у него в голове. Он неоднократно слышал про сильных и неуловимых наемников, шиноби-но-моно, тех, кто считался неоспоримо самыми искусными в устранении нежелательных свидетелей. Под покровом ночи они пробирались в дома, могли долго висеть на потолке, метали сюррикены и виртуозно быстро лишали жизни тех, на кого им укажет заказчик. Неужели это они?

– Но в чем виноват Такано-сан? И кто его решил уничтожить?

– На эти вопросы я тебе не отвечу, друг. – Нахмурился Котаро – Однако, если им пришел заказ, на него, то, что мешает им поразить более значимую цель? – Он размышлял вслух, внимательно глядя на гостя горы Курама, надеясь, что тот догадается и без слов. И потому, как округлились глаза Акено и побледнела кожа на лице, монах понял, что он догадался. – В таком случае ты понимаешь, кому они угрожают. Будь на чеку, Кату. Судя по почерку, это наверняка клан Кога.

– Но убивать ядом!? – В глазах бесстрашного лучника на мгновение полыхнуло отчаяние, однако он справился с собой и проговорил с досадой. – Да они же нас всех потравят, как нечего делать! Было бы еще понятно за что!

– Знаешь... – медленно и задумчиво проговорил Котаро. – Есть у меня одно снадобье. По крупнице добавляя в еду себе и предложи вашему дайме. Оно зашипит и поменяет цвет на синий, если еда отравлена.

Медленно монах достал из того же кожаного свертка вторую бамбуковую трубку, открыл, взгляделся, снова закупорил и передал Акено двумя руками с поклоном.

Точно также склонившись, Катсутароу протянул руки и с благодарностью принял это средство. Он знал, что в знании относительно ядов с шиноби могут потягаться разве что буддийские монахи. Он доверял Котаро.

Они дружили с детства. Рыбачья деревенька Инэ, располагающаяся недалеко от Киото, встречала первые апрельские дни. Солнце только-только начало припекать, однако прохладный ветер дул с гор, заставляя ежиться.

Деревянные домики будто лепились друг к другу, огибая небольшой утес с лесом.

Малыш Котаро в свои пять лет умудрился так рассориться со старшими братьями из-за последнего рисового шарика, что, схватив его с тарелки, торопливо выбежал из дома. Триумф. Последняя порция риса досталась именно ему. Братья, разумеется, не были с этим согласны. Двое старших, желая его наказать, выскочили из-за стола и пустились по его следам. Их мать только качала головой, видя буйный и непокорный нрав младшего сына и свирепый темперамент старших, а отец справедливо считал, что в этой жизни каждый должен уметь за себя постоять. Поэтому отношения между детьми оставлял им на откуп. Братья были не намного старше. Один на два, а другой на три года: младшему было тяжело с ними тягаться. Те брали силой, ему же пришлось стать хитрым и вертким. Худо-бедно это даже удавалось.

Бегал он быстро. Поэтому на всей скорости выбежал на главную песчаную дорогу, где справа и слева ютились деревянные домики. Те, что шли по левому ряду были построены над водой. Их нижние этажи был своеобразными доками, где держали лодки. В один из них и юркнул Котаро. Как только он оказался под полом одного из домов, ледяная вода тут же обожгла ступни холодом и пропитала его соломенные сандалии. Но он упрямо пробирался к небольшому деревянному шкафу для снастей. За ним он и затаился, тихо откусывая от смя-

того в руке из-за бега рисового шарика. Сердце бешено стучало, что затрудняло процесс поедания. Но добытый трофей нужно было оприходовать как можно быстрее.

Он уже доедал рис, когда услышал, что кто-то подходит к воротам дока со стороны дороги. Видимо, хозяева дома решили проверить свою лодку. С ужасом глядя на дверь и какое-то движение за ней, мальчик попятился в сторону моря. Мокрая соломенная сандалия за что-то зацепилась, и он полетел в воду, взмахнув руками в отчаянной попытке удержаться. Падать на спину было больно и обидно. Лопатки коснулись илистого дна, а тысячи иголок холода больно вонзились в кожу. Вода перед его глазами сомкнулась, оставив жалкий тусклый свет. Котаро так испугался, что тут же вскочил на ноги, отфыркиваясь и отплеываясь. В это время в док зашел другой мальчик не на много отличающийся по возрасту.

– Ты что здесь делаешь? – Спросил он спокойно.

– Я? – Котаро немного струхнул. – Я прячусь от моих братьев. Они хотели у меня рис отобрать.

– Отобрали? – Внезапно заинтересовался малыш, склонив голову на бок. Котаро отметил про себя, что у него очень пронизательный и серьезный взгляд.

– Нет, я его успел съесть. – Гордо заявил он.

– Понятно. Тебе не холодно? Мама говорит, что когда одежда мокрая, ее нужно срочно поменять, – правильность этого холеного мальчика начала раздражать.

– Но я не могу сейчас идти домой! Братья меня побьют! – Горячо возразил Котаро, чувствуя, как мокрая ткань противно липнет к телу, а зубы уже начинают стучать.

– Тогда пойдем к нам, – подумав, решительно кивнул мальчик. – Давай дружить. Я – Катсутароу....

И сейчас глядя в серьезные глаза друга, монах улыбнулся, вспомнив, как мама Катсутароу выдала ему сухую одежду и напоила ребят теплым чаем с чем-то вкусным.

Много позже один избрал путь воина, а другой – служение Будде.

Они просидели почти до вечера. Когда солнце коснулось верхушек кедров, Акено предстоял обратный путь. Попрощавшись с другом детства, он отправился домой. В лесу быстро темнело. Вниз по ступенькам стрелок не шел – бежал подгоняемый каким-то странным предчувствием. Будто что-то плохое могло случиться в усадьбе, пока его там не было. Ему казалось, что кому-то там нужна была помощь, пока он был тут. Пару раз мимо стремительно пролетели соколы, но юноше было не до них.

Он ворвался во двор прямо перед ужином. На первый взгляд ничего непоменялось. Но внутренний голос просто орал: что-то было не так.

Акено пробежал в кухню, небольшое деревянное помещение с другой стороны от входа. Там уже Юкино-сан, управляющая этим местом немолодая женщина, забирала со стола поднос с тремя пиалами, закрытыми крышечками.

Катсутароу затормозил прямо перед ней, едва не врезавшись в ее мягкий и круглый бок. Она бы конечно спустила ему это, даже если бы он и не удержал равновесия, но все равно это было бы не учтиво. Женщина знала Катсутароу с момента, как он только появился в усадьбе худым как жердь подростком. Да и сам лучник относился к ней, точно к доброй тетушке, которая всегда старалась накормить его.

– А! Акено-Кун! – улыбнулась Юкино-сан. – А вот и ты! Хорошо, что пришел. А то Сайонджи уже волноваться начал.

Вместо ответа лучник обвел задумчивым взглядом всю кухню, и тот остановился на подносе в руках женщины.

– Скажи пожалуйста, Юкино-сан, ты, когда готовила, куда-нибудь отлучалась? Выходила из кухни? – Выпалил юноша, представляя как он глупо, по-идиотски да еще и подозрительно сейчас выглядит.

– Конечно! Я же не могу неотвязно у плиты стоять! – Пожала плечами управляющая. – Мне и в погреб надо было зайти за рыбой.

– Пожалуйста, Юкино-сан, – взмолился Катсутароу, почтительно согнувшись разве что не пополам. – Умоляю, позволь мне проверить еду хозяина! Я был у Котаро. Это мой друг, буддийский монах. Такано-сан, которому хозяин написал письмо, был убит ядом шиноби. Я склонен подозревать покушения на господина.

– Что? – Полная женщина вцепилась в поднос и попятилась, не сводя с юноши крайне удивленного взгляда. – Да что ты такое говоришь, Акено-кун?!

Услышанное ее явно напугало. Испортить еду ядом, неужели у кого-то поднимется рука на такое?!

– Прошу! – Подняв руки и развернув их ладонями к женщине, Акено будто бы был готов принять поднос, но та упорствовала. На ее лице блуждало сомнение, которое превратилось в ужас, как только от двери раздалось властное:

– Что здесь происходит? – Хозяин усадьбы, Морихиро-сама, стоял в дверном проеме, недовольно сдвинув брови.

– Морихиро-сама, – лучник молниеносно рухнул на колени. – Яд, которым отравили Такано-сана, был сделан шиноби. У меня есть порошок, которым можно проверить еду на яд. Я могу вам показать...

Катсутароу с мольбой смотрел на своего дайме, пока тот напряженно раздумывал, позволить ли лучнику такую вольность. Однако услышанное им на корню меняло дело. Если Такано-сана отравил клан шиноби, этих крадущихся, неуловимых наемных убийц, если его неприятели пошли настолько далеко, чтобы заплатить за это убийство, что им мешает собрать деньги и на его, Морихиро-сама, уничтожение? На кон поставлено слишком многое. Все дайме, хозяева разных провинций, так или иначе, хотят выслужиться перед сегуном, а Набунага-доно очень жестоко карает предателей. Этот парнишка честен и верен, он вряд ли станет травить человека, под чьей крышей живет. Почему бы не попробовать? Он же ничего не теряет.

Дородная хозяйка кухни, Юкино-сан, стояла, склонившись. Она держала поднос в руках и, немного подрагивая, ожидала решение хозяина дома. Наконец Морихиро-сама коротко кивнул. Женщина поставила поднос на стол для приготовления еды и отступила на шаг. Акено подошел, достал бамбуковую трубку, откупорил ее, аккуратным движением он высыпал 5 крупиц на маленькое блюдечко рядом с тремя глубокими пиалами. Взяв три, он по одной закинул их поочередно в рыбный суп, рис и кусочки жареной рыбы.

Лучник напряженно всматривался в поверхность блюд, но ничего не происходило. Да и с чего он решил, что его дайме непременно попытаются отравить? Может это просто совпадение? И целью и правда была Докуми?

Он уже мысленно подбирал слова для извинений, как вдруг поверхность рыбного супа покрылась синей пленкой. Она тут же зашипела и вспенилась, как будто он был не свежим.

– Мой господин, смотрите, – оглянулся Катсутароу.

– Что это? – воскликнула Юкино-сан, низко наклоняясь над миской.

– Кажется, кто-то отравил суп. – Твердо ответил лучник, внутренне содрогаясь. – Боюсь, что сегодня придется обойтись без него.

– Как такое могло случиться? – прогремел Морихиро-сан, и женщина сжалась и упала ему в ноги.

– Клянусь, Морихиро-сама! Это не я! Я поставила рыбный бульон закипать и отошла в кладовую за рыбой. Пощадите! Я не виновата!

Она заливалась слезами, ползая в ногах у своего хозяина.

Акено не знал, что и думать. И в том, что Юкино-сан невиновна, он был абсолютно уверен. Она была доброй и преданной, и просто не могла так поступить. Пугало другое: кто-то сделал это, пока она ходила в кладовую. И значило это только одно: у потенциального убийцы есть доступ к кухне. Акено передернуло от всех этих мыслей, стремительно пронесшихся в его голове.

– Охрана! – прогремел дайме, чье лицо спуся мгновение превратилось в безучастную карающую маску. Он уже вынес приговор и сейчас его озвучит. У Катсутароу внутри все жалось. Ему решительно не нравилось, как разворачивались события. Женщина ведь не виновата. Нужно было за нее вступить.

– Марихиро-сама! – теперь уже и лучник упал на колени перед своим дайме. – Я клянусь, что это не она! Дайте мне два дня, и я вам это докажу. – Его голос звучал просительно, но твердо. Во что бы то ни стало, надо было убедить хозяина не причинять Юкино вред. – Если вы ее убьете, вы не спасете свою жизнь. Она теперь знает об опасности. Пусть проверяет всю еду моим порошком. И мы будем защищены с этой стороны.

Когда прибежали двое рослых охранников, несчастная женщина все также рыдала в ногах у хозяина, но что-то неуловимо переменилось во взгляде Морихиро-самы.

– Ты готов взять ответственность, за свои слова? Ты можешь через два дня назвать мне имя убийцы и привести его на мой суд? – высокомерно произнес дайме. – Ты готов поручиться за Юкино-сан?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.